Ключи

Злобино—тихая деревня на берегу Бутежа. Точнее, не деревня на берегу, а Бутеж—у деревни, потому что Бутеж—просто ручей, где и вода-то взялась бог весть откуда: то ли из соседнего Сомовского болота, то ли от ключей-родников. Ничем не приметен и злобинский колхоз «Борец»: колхоз—середняк, ни урожаями не блещет, ни какими-либо новшествами в хозяйстве. Правда, народ в «Борце» дружный, работящий, и, может быть, не одна звеньевая тоскует душой, что не дошли до нее слава, награды, которые дошли до многих передовых звеньевых области. Но до сих пор жизнь в Злобине текла себе, кажется, потихонечку, без страстей-волнений, будто отгородили ее от мира михайловские леса.

И вдруг зашумело, забурлило Злобино, как река в половодье, и заговорили о нем не только в других деревнях и районном селе Михайловке, а и в соседних районах, и в областном центре.

А все ключи-родники...

...Богата деревня ключами. Злобинцы говорят: где копнешь, там и ключ. Летом идешь по песку и видишь—он там и сям шевелится. Это—подземные ключи.

Ни к чему как-то они были раньше местным жителям. А вот теперь пригодились. Вспомнили о них потому, что задумали построить большой пруд. С пруда все и началось.

Кто навел на мысль запрудить Бутеж, теперь и не вспомнишь. Вернее, навела сама жизнь. Но одними из первых—и, пожалуй, самых горячих и упорных—сторонников этого дела оказались старики—бывший колхозный полевод Максим Никитич Крепачев, председатель ревизионной комиссии Степан Дмитриевич Волобуев, Андрей Петрович Рассолов.

В деревню шли волнующие вести. В газетах читали про орошение на Украине. Да что Украина,—вон, в своем районе, в Лужках колхоз «Победа» зажег электричество. Нигде в их районе не было этого до войны! В Веретенине, в колхозе «Правда», запрудили речку, отстроили мельницу, и теперь водой мелют, рушат просо, даже, говорят, доски пилят. Чем же их колхоз хуже Веретенина, Лужков?

Нет, вовсе не такой тихой, равнодушной к окружающему, как казалось, была деревня Злобино! И в жизни, оказывается, под этой внешней тишиной били ключи. Началось с мирных стариковских бесед и быстро дошло до горячих разговоров по всему колхозу. Как это, для чего нужен пруд? Во-первых, докуда же, при своей речке, жить без воды? А случись пожар? И потом:

— Рыбу можно пустить—мальков...

— Лодки заведем. Купанье...—подхватила молодежь.

— Можно и лодки,—поддержали рассудительные старики.—А главное—притяжение влаги. Давно примечено: где лес да вода, там и дождей больше. Вон, у нас бывает—сухо, а в Рышкове, Фоминке, в Новом Бузце, что на речке Усоже стоят, дожди заливают. Воспарение.

Дальше—больше выходило, что без хорошего пруда и жить трудно, и как это только без него до сих пор жили... А председатель колхоза Андрей Жуков и секретарь парторганизации Михаил Агарков уже настраивали дело на новый лад:

— Притяжение там—кто его знает, либо выйдет, либо нет. А мы свое притяжение устроим: воду из пруда на поля пустим.

Были сомнения: хватит ли сил? Плотина нужна большая, водоспуск. Года на три работы.

Колхозные вожаки убеждали:

— Государство поможет. У других колхозов помощи попросим, у района. Восстанавливать колхоз на пустом месте труднее было, а ведь восстановили.

Некоторые усомнились, хватит ли в Бутеже воды. Тогда и вспомнили о ключах:

— Ключи Бутеж питают, а не Сомовское болото.

Поехали в Михайловку просить прислать комиссию, специалистов. Было это нынешней весной. Приехала комиссия. Водил ее всюду, до самого Сомовского болота, Максим Никитич Крепачев. Комиссия все осмотрела и решила: верно, сила Бутежа—в ключах, силы этой хватит, можно строить пруд, делать заявку на орошение.

Летом, перед покосом, общим собранием приняли решение: строить пруд, просить район о помощи.

А тем временем прилетела в деревню еще одна весть: рядом, в Жидеевке, вспыхнуло электричество, видать с дороги, когда едешь на Михайловку...

В Жидеевку отрядили негласную делегацию, чтобы все осмотрела и доложила правлению и активу,—мало ли что, может пригодиться.

Всем колхозом волновались, когда задержалось составление проекта строительства.

И надо же было так случиться: почти в одно время с проектом пришли газеты с постановлением партии и правительства. Наступление на засуху! Надо ли говорить, как встретили его в «Борце». Максим Никитич—за всех — сказал:

— Сам товарищ Сталин нам на помощь идет. Все сделаем.

И тогда решили: времени не терять, работать и осенью, и зимой.

И вот, в начале ноября, в Злобино стали с'езжаться на помощь люди из многих соседних колхозов, сотни людей с подводами, ломами, лопатами, носилками. Приехал прораб. На Бутеже начались невиданные работы.

Вот основание плотины готово. И маленький Бутеж поднялся и начал разливаться.

* * *

Зима стоит бесснежная, кто его знает, много ли тут будет весной талых вод? А пруд—вот уже он, широкий, глубокий,—замеряли в проруби: два с половиной метра.

— Ай да Бутеж, речечка ты моя!

Максим Никитич Крепачев, невысокий, сухой, в шинели, ходит по плотине. Люди откалывают глыбы мерзлой земли ломами, другие лопатами насыпают ее на носилки, на подводы. Подвозят камни, ими будет обложена плотина по бокам.

Максим Никитич сам бы в свои 65 лет взял в руки лопату, да разве дадут? Злобинцы цепко взялись за работу, их бригады—передовые на строительстве. Вот Семен Паршиков со своей бригадой как взял переходящий красный флажок, так и не выпускает. Не только парни, а и девчата — Татьяна Фурсова, Маруська Коростелева, Таня Паршикова—да много их!—осенью выполняли по две-три нормы. Теперь земля замерзла, труднее, но дело идет без задержки.

Растет плотина. Перекинулась она от края до края на 60 метров, шириной — 30 метров.

Максим Никитич подходит к прорабу Василию Ивановичу, справляется: сколько еще будем насыпать?

— Еще метр, дедушка, — отвечает прораб.

Еще метр — и плотина поднимется до намеченного уровня — 6 метров. Высота воды предполагается в 4,6 метра. Не должен подняться выше этого Бутеж. А если поднимется, — вот ему, сбоку, водоспуск.

Вынуто и уложено тысяч семь кубометров земли. За полтора месяца. Осенью и зимой, в любую погоду.

Будет здесь чуть не озеро, на 12 гектаров разольется Бутеж. Вода прибывает с каждым днем.

А слева от речки (тебя зовут уже речкой, Бутеж!), за хатами на километр протянулся канал. От него пойдут боковые каналы. Если вытянуть все эти каналы в одну линию, она протянется на пять километров. Воду сюда из пруда, на 28 метров вверх, будет качать насос. Уже есть в колхозе локомобиль, ждут труб... Весной вода оросит первые 59 гектаров посевов.

— Дожили до денечков, Максим Никитич!

Судачат хлопотуньи-звеньевые. Счастье привалило Клавдии Коростелевой! Звено у нее, конечно, не скажешь, что отсталое, а и не передовое. И вот теперь их конопля подойдет под орошение. Наверное, вымахает под потолок. А правильно ли будет, если за такую коноплю звеньевой дадут награду? Ведь орошение—не от звена, а от всего колхоза...

В тихом Злобине заговорили о наградах!

А Бутеж уже поднял воду в пруде до высокого места—до сада Акулины Коростелевой, члена звена Клавдии Коростелевой. По утрам, спускаясь к пруду с ведрами, Акулина Ивановна опускает в прорубь коромысло. Вчера воды было столько, а сегодня—вон она где... прибывает!

Акулина Ивановна отписала все это сыну Михаилу, в армию. И Миша пишет:

— Наверное, когда я вернусь в колхоз, здесь все будет по-новому.

Будет по-новому! Уже есть решение колхозного собрания: в 1949 году поставить на пруду электростанцию и осветить все до одного дома колхозников. Устроить мельницу, приспособить пилу-циркулярку, а там дальше видно будет, что можно делать электричеством еще. Осенью посадили в поле первые гектары лесных полос.

— Осилим ли?

Есть еще такие, которые в этом сомневаются. И тогда колхозные вожаки, Максим Никитич и другие активисты горячо доказывают, что силы в их колхозе теперь со-о-всем другие! Возьми любое. Ну, вот, прежде всего, как люди стали работать. Хлебов косили нынче в среднем по 70 соток гектара на косаря. В среднем, не говоря о тех, что по гектару в день сваливали! На ручном скирдовании многие носили на носилках за день по 30 — 35 копен. А норма — 10 копен. Рожь стали опылять, семена вручную отбирают. Помешала нынче мушка, да и зноем прихватило посевы во время налива, а то какой хлебостой был... Стена! Когда раньше такое бывало? Это раз. Посмотрим в хатах. Лучше, культурнее стали жить? Факт. Уж два года сажают у хат деревья, заводят палисадники. Факт? Дальше, посмотрим, сколько народу газеты выписывает, книги читает. А как за пруд, за электричество ухватились! Поднялись люди? Поднялись. Живем лучше, сильнее стали, чем до войны. А помощь государства? Все сделаем!

* * *

Соседи из других колхозов, помогающие строить плотину, нет-нет и позавидуют злобинцам:

— Мы вам помогаем, у вас будет орошение, электричество. А нам что?

— Так то же и у вас будет! — отвечают злобинцы. — Сегодня вы к нам, завтра, может, вы нас к себе позовете. Это же народная стройка!

И соседи соглашаются: верно, к тому идет.

...Слышно: трещит лед на пруду. Подпирает Бутеж, бьют, играют в нем ключи. Бьют, играют чудесные ключи богатырской колхозной силы, пробужденной великой советской Родиной.

Ф. ИВИН.

Дер. Злобино
Михайловского района.

Новые люди, новая жизнь

Колхоз «Борьба» Льговского района построил электростанцию и радиоузел. По-новому зажили колхозники. Теперь вечерами можно послушать радио, почитать книгу.

На снимках: слева—заведующий колхозным радиоузлом А. С. Сластенкин настраивает аппаратуру. Справа: колхозница Агриппина Павловна Масленникова и ее внучка Зоя читают новую книгу, полученную в сельской библиотеке.

Фото М. Шеховцова.

СВОЕЙ ДОРОГОЙ

Илья Эренбург

На рождество г. Барух, известный своим обожанием атомной бомбы, решил высказаться. Он начал с сожалений по поводу того, что мир на земле все еще не установился. Мне тоже не нравится, когда серьезные люди с упорством маниаков четвертый год беспрерывно говорят о войне, и, услышав лирическое вступление г. Баруха, я обрадовался: я подумал, что этот почтенный джентльмен наконец-то образумился и решил, вместо нехорошей игры с атомной бомбой, заняться гольфом или бриджем. Однако г. Барух обманул мои надежды: он поспешил заявить, что установлению прочного мира мешает не он с его подозрительной игрушкой, а нечто другое: «Советский Союз напоминает солдата, который не хочет итти в ногу с другими».

Мы хорошо знаем, что г. Барух обожает войну, даже говоря о мире, он не может забыть про солдат. Однако я оставляю в стороне вопрос об его лексиконе. Я хочу ответить по существу: да, мы не желаем итти в ногу с г. Барухом. Более того, мы не можем итти с ним в ногу, ибо мы идем вперед, а он, как и его друзья, шагают назад, к темным векам попирания человеческого достоинства, к невежеству и свирепости.

Г-ну Баруху не удастся выдать различные изобретения за показатель духовного и морального прогресса: мы слишком хорошо помним эсесовцев на «пантерах» и печи Освенцима, оборудованные по последнему слову техники. Когда мы определяем, куда идут г. Барух и его друзья, мы думаем не о научных работах американских физиков, а о тех идеях, о той морали, которые превратили труд ученых в кровь и в грязь, в шантаж и в преступление.

Г-н Барух и его друзья успешно прошагали к тем годам, когда один человек, отличавшийся скорее свирепостью, нежели умом, подходя к микрофону, рычанием омрачал ночи матерей и возмущал совесть народов.

Я не хочу быть голословным и приведу некоторые высказывания друзей г. Баруха.

Вице-президент военной комиссии конгресса США г. Пауль Шефер недавно заявил: «Мы считаем, что военное столкновение между нами и русскими неизбежно рано или поздно, и лучше будет, если это произойдет как можно раньше».

«Нужно послать дюжину летающих крепостей с атомными бомбами. Русские поймут этот язык». (Выступление г. Бишопа, конгрессмена 20 ноября).

«Мы обладаем оружьем, с помощью которого мы можем уничтожить жизнь людей, животных и растений на любой территории». (Адмирал США Захариас).

«Нажав на кнопку, я могу в двадцать четыре часа уничтожить семьдесят миллионов человек». (Профессор Оппенгеймер, известный атомщик).

Я мог бы привести еще много цитат, но вряд ли стоит заполнять столбцы газеты, которая называется «Культура и жизнь», словами варварства и смерти. Г-н Бишоп может не беспокоиться: мы их понимаем—язык каннибалов несложен. Они уже повязались салфетками: профессор Оппенгеймер сулит им на обед семьдесят миллионов трупов, а «Джорнал оф коммэрс» обещает им семьдесят миллиардов прибыли. Г-н Барух предлагает шагать с ними в ногу. Куда? К пепелищу Европы и Америки? В трапезную людоедов?

Может быть, г. Барух думает, что мы должны итти в ногу не с ним, не с г. Шефером, не с г. Даллесом—это генералы, они не маршируют,—а с теми европейцами, которые согласились шагать по американской команде? Французская поговорка гласит: каков барин, таков и слуга. Вот те песенки, которые распевают европейские солдаты Америки:

«Благодаря исключительной твердости Англия заключила союз с правительством Сиама и вооружила его войска. Маршал Пибул во время последней войны сотрудничал с японцами. Это может показаться недопустимым и неморальным, но это продиктовано фактором, еще не осознанным всеми: мы воюем. Мы не накануне войны, нет, мы в разгаре боя». («Монд», 30 ноября).

«Представитель г. Форрестола вел переговоры с генералом Франко о количестве дивизий, которые Испания сможет выставить в случае войны против Советского Союза». («Пари-Пресс», 2 октября).

«Европейская армия будет преимущественно франко-немецкой армией. Я предугадываю смятение, которое вызовут эти кощунственные слова». (Морис Дюверже в «Монд» 27 ноября).

«Я берусь создать в Бизонии в кратчайший срок немецкую армию». (Бывший начальник главного штаба Гитлера генерал Гальдер).

Итак, мы знаем, с кем нам предлагает итти в ногу г. Барух—с гитлеровским генералом, с палачом Франко, с фашистами вчерашними, сегодняшними и завтрашними. Он предлагает нам шагать в ногу с Цалдарисом и Салазаром, с голландскими разбойниками, промышляющими в Индонезии, с Глабб-пашой, промышляющим в Палестине, с г. Жюлем Моком, который расстреливает французских горняков и протягивает руку «обер-бургомистру» Реутеру, с Ильзой Кох, недавно изготовлявшей абажуры из человеческой кожи и готовой занять свое место в администрации генерала Клея, с тиграми, низведенными на должность шакалов, и с воронами, для приличия зажавшими в хищных клювах масличные ветви. Г-н Барух привык делить человечество на тех, кто дает доллары и кто их получает. Он не может понять, что имеется существенное различие между министрами «бенилюкса» и народами Советского Союза. На бирже Нью-Йорка котируются различные ценности: акции Суэца и кровавый пот чилийских горняков, нефть Ирака и человечина, поставляемая престарелым Софулисом, атомные бомбы и «кока-кола», Португалия с колониями и совесть г. Жюля Мока; но одно не подлежит котировке на этой воистину универсальной бирже: советская честь.

Когда на нас нападают, мы не даем обидчикам спуску, и г. Барух, наверно, помнит, как американцы натерли себе мозоли на руках, аплодируя Красной Армии. Но мы не любим играть в солдатики. Мы не хотим вместе с друзьями г. Баруха лихо налетать на спящих жителей Индонезии. Нам с ними действительно не по дороге.

Может быть, г. Барух скажет, что я напрасно сосредоточиваю внимание на разговорах о войне, которые являются монополией этого почтенного джентльмена; может быть, ему представляется естественным, что я в качестве писателя должен говорить о культуре, а он в качестве г. Баруха будет тем временем отсчитывать свои бомбы? Что же, мы можем поговорить и о культуре: здесь нам тоже не по пути ни с г. Барухом, ни с его друзьями, ни с его дворецкими.

Говоря это, я менее всего склонен отрицать великое прошлое науки, литературы, искусств народов Западной Европы и Америки. Вряд ли нужно на этом настаивать. Я не склонен также отрицать, что и теперь в Америке живут прекрасные писатели (некоторым из них друзья г. Баруха стараются зажать рот), превосходные ученые, талантливые архитекторы. Я знаю, что во Франции имеются замечательные художники и хорошие поэты, что в Англии работают видные ученые и что там порой делают интересные фильмы. Но все это создается не благодаря г. Баруху и его друзьям, а вопреки им. Настоящие ученые Америки настроены весьма печально; они не похожи на бодрячка Оппенгеймера, который жаждет «нажать кнопку»; и старый Эйнштейн и молодые ученые с глубоким негодованием говорят о том, как гнусно использовали человеконенавистники одно из крупнейших открытий нашего века. Когда я говорю о низком культурном уровне Соединенных Штатов, я думаю не о десятке хороших романов, а о том конвейере пошлой литературы, которая подается среднему американцу вместе с утренним завтраком и жевательной резинкой, о тех низких и глупых фильмах, которые изготовляются на конвейере для повседневного оболванивания людей, о том стремлении задержать духовное развитие среднего американца, которое присуще г. Баруху и его друзьям. Если эти джентльмены возразят мне, говоря, что они дают деньги на университеты и библиотеки, я отвечу, что духовный и моральный прогресс определяется не только внешними признаками, что в гитлеровской Германии тоже были и университеты и библиотеки, что Розенберг, оправдывая печи Майданека, не брезгал научной терминологией, а Ильза Кох, недавно помилованная генералом Клеем, при интимном свете лампы с абажуром из человеческой кожи читала книги о геополитике и расовой гигиене.

Недавно американский профессор Осборн сказал: «С помощью радара мы можем обследовать луну, но в то же самое время мы готовы превратить наш собственный мир в бесплодную пустыню, подобную луне». Когда профессор Оппенгеймер говорит о гибели семидесяти миллионов, я думаю не об его отвратительном хвастовстве, а о моральном облике Америки. Ведь разговоры о «кнопке» профессора Оппенгеймера печатаются во всех газетах, и его не сажают ни в тюрьму, ни в сумасшедший дом. Один американец восхищенно говорит другому: «Читали? Семьдесят миллионов! Вот это рекорд!» Да, это действительно рекорд — рекорд одичания и изуверства.

«Голос Америки» ежедневно сообщает на двадцати языках, сколько в Америке университетов и какие там сидят почтенные ученые. В Ноксвилле я встретил профессора Бреди, известного химика, участника международных научных конгрессов. Профессор Бреди не имеет права войти в университетскую библиотеку Ноксвилла, потому что он — черный ученый, а не белый дикарь. Страна, где тринадцать миллионов людей обречены на постоянное унижение только потому, что у них кожа иного цвета, нежели у г. Баруха, не должна изображать из себя духовный синедрион и академию высшей морали, ей лучше бы поступить в начальную школу человечности.

«Голос Америки» ежедневно кичится не только богатством Америки, но и тем высоким идеализмом, который якобы определяет все поступки американцев. Америка очень разбогатела на войне: одно дело проливать свою кровь, другое—торговать мясными консервами. Но вот описание уголка Нью-Йорка, сделанное французской писательницей, отнюдь не коммунисткой, г-жей Симон де Бовуар: «Между магазинами на Бауэри находятся «гостиницы для одиноких», это ночлежки, где можно снять на ночь подстилку или кусок голого пола, покрытого только клопами. Более бедные направляются в «Флоп-хаус», где они спят несколько часов, сидя, облокотившись руками на веревку. Когда истекает время, веревку спускают, и люди падают. Еще более бедные спят на улице». («Америка изо дня в день», 1948). Г-н Барух и его друзья могут гордиться их Америкой. Мечта—это профессор Оппенгеймер, нажимающий кнопку для массового убийства людей, животных и растений. Реальность — это хозяин «Флоп-хауса», который спускает веревку, чтобы спящие люди свалились на пол.

Никто не заподозрит «Нью-Йорк таймс» в сочувствии «красным» — это любимая газета друзей г. Баруха. Вот что пишет в этой газете г. Томсон: «Двадцать процентов американцев едва поднимаются над состоянием идиотизма, двадцать процентов невежественны и абсолютно лишены желания что-либо узнать, сорок процентов согласились бы кое-чему поучиться, при условии, что уроки будут чрезвычайно примитивными. Таким образом, только двадцать процентов американцев могут быть рассматриваемы, как люди с интеллектом и знаниями».

Профессор Чикагского университета Биал об'ясняет низкий уровень американцев, обладающих университетскими дипломами, характером воспитания: «Мы удовлетворяемся тем, что формируем только техников. Что такое техник? Это человек, знающий все, что относится к его работе, но не понимающий ни цели этой работы, ни места, которое он занимает в мире». Такому «технику» безразлично, что он делает — устраивает детские ясли или базу для «летающих крепостей». Он работает, потом дремлет в кино или читает нехотя газету и, помня о том, что он оптимист, улыбается той бессмысленной улыбкой, которая рекламируется в Америке наравне со средствами от потения и с имбирным лимонадом. Вот почему терзается Альберт Эйнштейн, вот почему в тюрьме Говард Фаст, вот почему мечтает о Европе Чарли Чаплин, вот почему пьет запоем Фолкнер и спешит покинуть Соединенные Штаты Хемингуэй.

Барух и его друзья не только ополчились на мысль у себя дома, они решили перевоспитать старую Европу, превратить правнуков Вольтера в бодрых идиотов, жующих резинку между ленчем и линчеванием, превратить правнуков Свифта в «техников», которые будут покорно умирать, когда профессор Оппенгеймер соизволит нажать пресловутую кнопку. Они нашли в Европе достаточно нахлебников, готовых продать, если не за чечевичную, то за маисовую похлебку, первородство своих народов. Эти духовные холопы настолько успешно промаршировали к невежеству и глупости, что им может позавидовать рекордный идиот из Миссисипи или Алабамы.

Слуги не знают, как угодить барину. Год тому назад я написал комедию «Лев на площади», в которой мэр французского городка подносит американским благодетелям старинный памятник. Американизированные газеты Франции обвинили меня в клевете. Между тем я только предвосхитил события. Передо мною обращение «областного отделения сельского кредита города Ош» (центр департамента Жер).

«Административный совет нашего областного отделения обращается к вам с предложением, которое может вас удивить, но которое более чем что-либо другое должно понравиться нашим заатлантическим друзьям и остаться, как великая благодарность за щедрую помощь, оказываемую ими нашей стране. У наших друзей нет исторических памятников. Областному отделению принадлежат часовни древнего монастыря кордильеров с готическими воротами, зарегистрированные как памятники старины, состоящие под охраной государства. Мы предлагаем отправить эти часовни в Америку».

Труден только почин. Если «областное отделение сельского кредита» подносит американцам готические часовни, то, может быть, г. Жюль Мок, растроганный очередной присылкой слезоточивых газов, прослезится и предложит отослать в Оклахому Собор Парижской богоматери?

Г-н Барух может сказать: «Вы вольны не отсылать киевскую Софию в Канзас, вы вольны не согласиться даже с мнением достопочтенного г. Бевина о Карле Марксе, но вы не вольны ходить сами по себе. Вы не можете пренебрегать авторитетным мнением народов пяти частей света, которые идут в ногу с нами». Г-н Барух, конечно, знает, с каким доверием встретил советский народ рождение организации Об'единенных наций. Советские делегаты в этой организации последовательно и мужественно отстаивали сокращение вооружений. Мы не любим играть в солдатики. Мы думали и продолжаем думать, что г. Барух может зарабатывать доллары, не мешая нам строить города и сажать деревья. Мы думали и продолжаем думать, что наступление на засуху и восстановление Сталинграда никак не угрожают обитателям Сан-Франциско или Нью-Орлеана. Мы никогда не были столь наивны, чтобы рассчитывать на любовь г. Баруха и его друзей. Мы не приглашали их итти с нами в ногу к нашей цели. Но мы думали и продолжаем думать, что вопрос о правоте идей, морали, экономики разрешается мирным трудом, а не «кнопками» профессора Оппенгеймера.

Г-н Барух и его друзья любят ссылаться на резолюции ассамблей, комитетов и подкомитетов; но мы знаем не только, за что голосуют различные делегаты, мы знаем также, почему они голосуют. «У нищих нет выбора»,—грациозно промолвил представитель г. Маршалла г. Пауль Гофман. Когда какая-нибудь страна пробует напомнить о своей независимости, друзья г. Баруха принимают срочные меры. В Чили было правительство Народного фронта; американцы купили президента Гонсалеса Видела.

В Венецуэле президент оказался неподкупным, и друзья г. Баруха инсценировали государственный переворот. Г-н Барух и его друзья сколотили из министров подвластных государств настоящую маршевую роту: «Направо, шагом марш! Огонь по будущему!». Министры подвластных государств кряхтят, но маршируют. Неужели г. Барух всерьез думает, что советский народ запагает по его команде рядом с Гонсалесом Видела и с г. Спааком?

Г-н Барух напрасно говорит, что мы одни. Мы не идем в ногу с ним, это правда, но в ногу с нами идут миллионы и миллионы мирных людей в пяти частях света. Г-н Барух это знает не хуже, чем я, именно поэтому он нервничает, именно поэтому его друзья истерически говорят об уничтожении людей, животных и растений. Они знают, что народы не хотят шагать в ногу с атомщиками. Они получили, г. Жюля Мока, я не поздравляю их с этим приобретением—это не готическая часовня, это всего-навсего Носке удешевленного образца. Они приобрели г. Жюля Мока, но они потеряли французский народ; кто хоть раз перелистал историю Франции, тот знает, что кровь на камнях Парижа не сходит даром. Они приобрели благословение папы и благоговение г. Шельба, но они получили первую повестку: баррикады на улицах итальянских городов. Они десять раз об'являли, что уничтожили народную армию Греции, и всякий раз эта «уничтоженная» армия наносила новый удар американским наемникам. Они сорили долларами, мечтая заполучить Прагу и Будапешт, Бухарест и Софию; они получили вместо этого несколько сот новых нахлебников. Я не стану говорить об Азии.

Нет, мы идем к будущему не одни; с нами лучшие умы человечества, большие ученые, большие писатели, большие художники, миллионы простых людей. Вроцлавский конгресс деятелей культуры, сурово осудивший преступную игру г. Баруха и его друзей, об'единил вокруг себя самых различных людей. Из США конгресс приветствовали Альберт Эйнштейн, Фаст, Мальс, Стейнбек, Колдуэл. С нами те, что ищут справедливости, человеческого счастия, мира. Кто же с г. Барухом? Эпигоны академий, одописцы, драпировщики и жалкие украшатели. Почему к нам пришли великие—Анатоль Франс, Ромен Ролан, Барбюс, Ланжевен, Дрейзер? Почему с нами, казалось бы, столь различные художники, как Андерсен-Нексе и Арагон, Пабло Неруда и Тувим, Пикассо и Фаст? Потому, что мы не пятимся назад по команде г. Баруха, а идем к будущему.

Г-н Барух и его друзья теряют голову от страха. Они боятся всего: «черной пятницы» на нью-йоркской бирже и красного воскресения в Париже, греков и китайцев, «красных» в Венецуэле и актрис в Голливуде. «Экономическое и финансовое агентство» сообщает 10 ноября с. г.: «Наиболее видные представители финансового мира теперь не исключают возможности того, что 1949 год может стать годом «страха перед миром». («Pease-scare»). Бедный г. Барух, он размахивает атомной бомбой, и он испуганно смотрит под свою кровать: нет ли там какого-нибудь «красного»? Он говорит, что боится войны, а его трясет от страха перед миром.

Его страхи до некоторой степени обоснованы. Я лично нахожу чересчур пессимистичными заключения сотрудника «Нью-Йорк таймс» г. Томаса о духовном уровне американцев. Слов нет, средний американец плохо осведомлен, он искалечен волчьей конкуренцией, расизмом, культом доллара. Но у него есть и голова и сердце.

Что касается нас, то мы будем продолжать наш трудный, но высокий путь. Восточная пословица говорит: собаки лают, а караван идет дальше. В переводе на западный язык это означает: различные джентльмены произносят воинственные речи, а история движется вперед.

(Газета «Культура и жизнь» от 31 декабря 1948 г.).